

Онтология и теория познания

Ontology and Theory of Knowledge

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459>

EDN: SYDEJI

Научная статья / Research Article

Цифровое «расщепление» повседневности

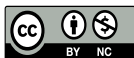
Т.Г. Лешкевич

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

 Leshkevicht@mail.ru

Аннотация. Напряженное сосуществование традиционных практик повседневности и их трансформированных моделей, привнесенных цифровыми технологиями, представляет собой проблему первостепенной актуальности. Цель исследования состоит в философском осмыслении сдвигов повседневного существования, указывающих на дисбаланс в соотношении «пре-цифровой» и цифровой повседневности. Анализируются три взаимосвязанные тематические линии. Первая предполагает рассмотрение особенностей динамично меняющейся ситуации цифрового бытия и тенденций «сращенности» когнитивного потенциала человека с интеллектуальными устройствами. Внимание обращено на особенности виртуальной рациональности, основанной на замещении собственных усилий индивида алгоритмизированными решениями и изменении познавательных подходов. Вторая связана с опорой на семантику понятий: мультизадачность, Большие данные, алгоритмическая ответственность, прокси-культура, Метавселенная, размывающая границы виртуального и реального. Третья тематическая линия, привлекая наследие А. Щюца, Г. Гарфинкеля, И. Гофмана, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, нацелена на анализ традиционных повседневно-быденных паттернов, указывающих на самодовлеющую связь стабильности, вращающееся вокруг насущных потребностей целеполагание, стереотипы и слабо отрефлектированные схемы мышления. Методологическая стратегия, позволяющая выявить особенности новой ситуации в условиях цифровых трансформаций, опирается на сравнительный анализ, метод сборки и на нацеленный на обнаружение противоречий диалектический метод. К основным положениям, обоснованным в исследовании, относится, во-первых, утверждение, что, «самопонятность» повседневных жизненных практик, направленных на сохранение «самодовлеющей связи стабильности», сочетается с признанием повседневной креативности. Во-вторых, заключение о том, что постоянно обновляющиеся цифровые интеракции требуют радикального перехода к новым «навыко-образующим формам», обуславливая тем самым конфликт с повседневностью, предпочитающей репрезентации устоявшегося и типического. Автор приходит к выводам о технологическом «расщеплении» повседневности, показывая, что

© Лешкевич Т.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

возросшее чувство беспомощности перед усложняющимися задачами компьютерных интеракций на фоне доверия машинным алгоритмам ведет к цифровому отчуждению. Отличие исследования состоит в обосновании того, что сужение ареала «непосредственной достоверности опыта» и реальных межличностных контактов оттесняет способ восприятия действительности в зону безрефлексивности. Распространенное в цифровой повседневности делегирование индивидуальных полномочий интеллектуальным системам, т.е. практика «прокси» – «действий по доверенности», демонстрирует процесс замещения субъектности, когда контакт с реальным физическим лицом становится необязателен.

Ключевые слова: цифровая повседневность, пре-цифровая повседневность, виртуальная рациональность, мультизадачность, практики прокси, метавселенная

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила 01.11.2024

Статья принята к публикации 03.03.2025

Для цитирования: Лешкевич Т.Г. Цифровое «расщепление» повседневности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 446–459. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459>

The Digital “Splitting” of Everyday Life

Tatiana G. Leshkevich

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

 Leshkevicht@mail.ru

Abstract. The coexistence of traditional everyday practices and their transformed models brought about by digital technologies is a problem of paramount relevance. The aim of the research is to understand the shifts in everyday existence, indicating the opposition between “pre-digital” and digital everyday life. Three interrelated thematic lines are analyzed. The first involves considering the characteristics of the dynamically changing situation of digital existence and the trends of “fusion” between human cognitive potential and intelligent devices. The second line is associated with reliance on the semantics of such concepts as proxy culture, virtual rationality, multitasking, Big Data, and the metaverse, which blurs the boundaries between the virtual and the real. The third thematic line is aimed at the analysis of traditional everyday patterns that indicate a self-sufficient connection of stability, goal setting revolving around urgent needs, stereotypes, representations of the typical and weakly reflected patterns of thinking. The legacy of A. Schutz, G. Garfinkel, J. Hoffmann, E. Husserl, M. Heidegger is involved in the analysis of the characteristics of everyday life. The author uses comparative analysis, the assembly method and the dialectical method aimed at identifying contradictions. The study shows, firstly, that the “self-understanding” of everyday life practices aimed at maintaining the “self-sufficient connection of stability” is combined with everyday creativity; secondly, that digital interactions require a radical shift to new forms of skills. The author comes to conclusions about the technological “splitting” of everyday life and digital alienation. The narrowing of the area of “immediate authenticity of experience” and real interpersonal relationships displaces the mode of perceiving reality into a zone of non-reflexivity. Delegation of one’s powers to intelligent systems has become widespread in digital everyday life. Proxy

practices or “acting by proxy” demonstrates the process of replacing human subjectivity, when contact with a real person becomes optional and unnecessary.

Keywords: digital everyday life, pre-digital everyday life, virtual rationality, multitasking, proxy practices, metaverse

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.11.2024

The article was accepted on 03.03.2025

For citation: Leshkevich TG. The Digital “Splitting” of Everyday Life. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):446–459. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459>

Введение

Дигитальность современного мира символизирует собой существенные отличия образа жизни нынешнего поколения. «Цифровое общество – как считают исследователи – действительно представляет собой специфическую модель отношений» [1. С. 544]. Компьютерно-опосредованное поведение свидетельствует о масштабной технологической трансформации опыта повседневного существования. Однако данность повседневности, как известно, обладает статусом «первопорядковой», «верховой реальности» [2]. Социокультурные образцы групповой жизни, непосредственные физические взаимодействия и необходимость «поладить с субъективно определяемым окружением» выступают жизненно важными ее составляющими. Вместе с тем цифровая среда, сузив зону непосредственных межличностных контактов, меняет привычные практики и наработанные стереотипы. Привязав индивида к компьютеру, задав своеобразный тип существования «лицом в экран», она помещает его в зону своеобразного цифрового отчуждения, что обуславливает и «пересборку» самого концепта повседневность, и потребность его философского осмысления в ситуации «the digital».

Смещение осей цифрового существования

Цифровая энвайроментальная среда сделала доступной онлайн-проекцию разнообразных сфер жизни. В объем понятия «цифровое» включены все имеющиеся в онлайн-формате информационно-коммуникативные технологии, связанные с электронными вычислениями и преобразованием данных: соцсети, гаджеты, онлайн-сервисы, сайты, программы дистантного обучения, онлайн-общение, развлечения, чат-боты, онлайн-игры, онлайн-покупки и пр. Иными словами, цифровая реальность вбирает в себя совокупность созданных с помощью высоких технологий информационных феноменов, обеспечивающих новые формы жизнедеятельности. Доступ к Сети и взаимодействия индивида с интернет-ресурсами предстают базовыми характеристиками

современного существования. А сбой Сети порождает острые проблемы и в жизнедеятельности отдельного индивида, и в жизнеспособности социального организма в целом.

Дигитальный мир отчетливо обнаруживает тенденцию «сращенности» когнитивного потенциала человека с интеллектуальными устройствами. Причем в интерфейсе «субъект – гаджет» человеку отведена пассивная роль, активная роль принадлежит гаджету со встроенной навигацией действий, диктующих ответную реакцию. Интеллектуальные устройства, обеспечивая «интеллектуальную поддержку», производят эффект замещения собственных усилий индивида алгоритмизированными решениями.

При встрече индивида и цифровых технологий наблюдается изменение конфигураций рациональности. Онлайн ресурсы, предоставляя ускоренный поиск в обход офлайновых практик, способствуют тому, что контент Сети выдается за результат собственных интеллектуальных усилий, тем самым значительно сужая сферу понимания и смыслообразования. Индивид, перекладывая на компьютер огромную часть когнитивных функции, тем самым отменяет их актуальное использование. Субъект опирается на алгоритмизированные шаблоны возможностей. Рациональность, направленная на адекватное вписывание в мир и целедостижение, в цифровой перспективе несет собой тенденцию «сращенности» когнитивного потенциала человека с алгоритмами интеллектуальных устройств. В ней есть риски того, что авторы называют «макдональдизацией» как «глобальном распространении дегуманизированного ничто» [3. С. 10]. Еще в конце XXв. известный науковед М.К. Петров предостерегал, что технологии «изыскивают способы разгрузки человека от обязанности думать, выбирать, решать и отвечать за свои поступки» [4. С. 31]. Симуляции и имитации, производимые цифровыми технологиями, формируют такой тип мировосприятия, который детерминируется потреблением созданных квази-событий. Задача по их осмыслению оттесняется на периферию, замещаясь обилием информационных месседжей. Обусловленный сёрфингом по Сети тип виртуальной рациональности все более заявляет о своем доминировании.

Смещение осей цифрового существования подтверждается установкой на медиамногозадачность [5] и мультизадачность [6], которые демонстрируют сопряжение различных режимов деятельности (например, досуговой и профессиональной). Мультизадачность основывается на совмещении нескольких функций, на готовности субъектов к одновременному участию в различных видах деятельности, способности «пропускать через себя» разнонаправленные информационные потоки [7]. Российские исследователи отмечают, что «если в зарубежных источниках многозадачность понимается как режим работы с множеством отвлекающих факторов, то в отечественных – как способность человека выполнять несколько операций одновременно» [8. С. 197]. Причем в контексте критического отношения «к мифу о многозадачности» подчеркивается негативное влияние данного режима на когнитивную сферу личности, его тормозящее воздействие на развитие «осмысляющего мышления».

В этой связи примечательна ремарка А. Пан, замечая, что такое беспорядочное, постоянно отвлекающееся мышление в отличие от продуктивной интеллектуальной деятельности, требующей сосредоточенности и невосприимчивости к внешним раздражителям, получило в восточной философии название «обезьяний ум» [9. С. 74]. А уничтожающая метафора: синдром «цифровой обезьяны» в свою очередь подтверждает негативную оценку многозадачности. И тем не менее, в пользу многозадачности свидетельствуют ресурсы обогащенной цифровой среды, а также особенности современного «сетевого поколения».

Но если многозадачность воспринимать позитивно, то при этом необходимо сохранять как умение управлять вниманием, так и вовлеченность в действие. Когнитивный самоконтроль, сосредоточенность на основной задаче – маркеры полезной многозадачности. Многообразные инфо-взаимодействия, свободные от материально-физической локализации и материально-вещественных артефактов, по мнению исследователей, представляют собой новую практику для ЦНС человека, изменяющую паттерны активации мозга и имеющую в том числе и положительные особенности [10].

Осмысление техносимбиоза человека и интеллектуальных систем указывает не только на гипервзаимозависимость и сращенность, но, как считает А. Кларк, на «электронные расширения возможностей мозга». По его мнению, биологический мозг человека в самом фундаментальном смысле является неполной когнитивной системой. Внешние, небιологические элементы обеспечивают дополнительные возможности и вносят вклад к нашему пониманию того, кто мы есть, где мы находимся, что мы можем сделать [11. Р. 137]. Биологический мозг и организм человека учатся зависеть от Интернета, пронизавшего мир повседневных взаимодействий.

Фактом является то, что сдвиги, произошедшие в цифровой повседневности, подчинены максиме – «данные решают все», в том числе определяют и ценность человека в зависимости от количества фолловеров и лайков, присвоенных баллов, индексов, кварталей и иных показателей. Статус Big Data, превзойдя рамки количественных статистических отчетов, присвоил себе функции регулирования и контроля, став трендом современности. При этом к дестабилизирующему потенциалу решений, основывающихся исключительно на Больших данных, трудно применим набор законодательных практик.

Ученые подчеркивают, что цифровая онтология – это, по сути, корпус организованных данных, обладающих множеством формальных свойств, которые, прячась за цифру, принимают различную форму: текстовую, визуальную, звуковую. Не случайно Юк Хуэй назвал свою книгу «О существовании цифровых объектов» [12]. Цифровая онтология задает не только новые векторы поисково-познавательной деятельности и типы познавательных практик, но и обнажает проблему алгоритмической ответственности, острота которой обусловлена рядом факторов. Имеется в виду, не только автоматизированность алгоритмических процессов, происходящих при

минимальном участии человека или вовсе без него, но также и непрозрачность ИИ, функционирование которого подчас представляет собой «черный ящик» [13. С. 41]. Проблема алгоритмической ответственности связана и с позицией самих разработчиков, т.е. индивидуальных и корпоративных субъектов, которые предоставляют услуги с помощью алгоритмов [14. С. 176] и, соответственно, могут заложить в них как свои предпочтения, так и интересы курирующих их заказчиков. Исходя из этого представляется очевидным, что супертехнологические новации невозможно наделить статусом самооценности вне философского осмысления негативных последствий их внедрения.

«Самопонятность» традиционных повседневных регуляций

Говоря о характерных для доцифровой эпохи особенностях, следует подчеркнуть, что, во-первых, традиционная модель повседневно-обыденных практик отличается обладающим привычным постоянством целеполаганием, вращающимся вокруг насущных потребностей. Во-вторых, укоренившиеся в обыденной жизни стереотипы, традиции, образцы жизненных практик характеризуются слабо отрефлексированными схемами мышления и действия. Как считал М. Петров, здесь значимы все основанные на привычке навыки, все виды автоматизмов. Важна сопричастность ориентации на сохранение целостности, «самодовлеющая связь стабильности» [4. С. 42]. В-третьих, важно подчеркнуть, что реальность повседневного существования оценивается как «первопорядковая», наделенная статусом «верховой реальности» [2]. Ее «архитектонике», вбирающей в себя режимы трудовой деятельности, отдыха, свободного общения, свойственны элементарные, но завершенные смысловые единства. Транслируются принятые регуляции, которые оказывают «нормативное давление» и определяют программы ближайших действий. В этом суть "самопонятности" обыденной рациональности, опирающейся на готовые образцы, устоявшиеся правила, набор типичных приоритетов. Г. Гарфинкель отмечал важность описания той жизни, которой люди «на самом деле живут: имеют таких детей, каких имеют, испытывают какие-то чувства и над чем-то размышляют, вступают в такие отношения, в которые в действительности вступают» [15. С. 42].

Из этого следует, что носитель повседневных практик не настроен на интенсивные преобразования, его активность направлена на «хабитуализацию», оповседневнивание рациональности. И хотя дискурс повседневности состоит из разнородных фрагментов, а мысль опирается на явления, логикой не охватываемые (предрассудки, предзнаменования, приметы), особое внимание уделяется наиболее эффективным способам прагматического поведения. Вехи политической жизни для обывателя наделяются значением лишь в их связи с отношением к событиям частной жизни. Причем до появления цифровых инструментов приватное пространство не подлежало столь интенсивному самоопубликованию и саморекламиранию. «Серая зона» повседневности, равно как и сравнение повседневности с миром «нор и складок» —

выразительные метафоры, подчеркивающие, что приватная жизнь по природе своей закрыта. И вопрос, стоит ли искать утонченных смыслообразований в максимах повседневности, утвердительного ответа не получает.

В книге «Представление себя другим в повседневной жизни» И. Гофман показывает, что первоначальным является произвольное самовыражение, посредством которого люди «выдают себя» на житейской сцене. Затем внимание переключается на смысловые рамки ситуаций [16]. Впоследствии акцент переносится на нередуцируемые структуры взаимодействий, которые предположительно обеспечивают разные смысловые наполнения событий повседневности. В целях нашего анализа особый интерес представляют примеры, которые приводит И. Гофман, ссылаясь на освещение событий в вечерних теленовостях. «Дело не просто в том, пишет автор, что телепрограмма должна поддерживать свою собственную версию трактовки событий, не расходящуюся с правительственными постановлениями и учитывающую другие точки зрения, и не в том, что некоторые из событий могли происходить именно так, чтобы появилась возможность произвести их запись. Вопрос в том, что сами записи собираются и организуются в соответствии со специфическими задачами и целями шоу-производства» [16. С. 555]. Часть звукозаписей заимствуется из фильмотеки, а готовая картина содержит кадры, отснятые в разное время и в разных местах, включает заранее подготовленные эпизоды. Более того, монтажеры отснятого материала обязаны использовать некоторые кадры без указания времени и места. Отбор и редактирование осуществляет группа компетентных лиц в центральном офисе информационный взрыв может увлечь слушателей и зрителей [16. С. 585]. Эти выводы соотносимы с современными практиками управления информацией, ведущими к имитации и симуляции событий. Причем «фактчекинг» как практика верификации реальных событий, в условиях конкурирующих запросов и информационного хаоса оказывается беспомощным.

Таким образом, фокусировка на «человеке повседневности» указывает на индивида как «производное от социального порядка» с ожидаемым сходным опытом. Смысловые регуляции «вращаются в воронке обыденности», перетасовывая и присваивая базовые репрезентации типического. Однако есть исследователи, которые не отказывают практикам повседневности в импровизации, «уловках», «процедурах повседневной изобретательности». Так, М. де Серто уверен, что паттерны повседневной рациональности содержат в себе некую креативность, нарушающую ритм повторений типического [17]. В целом же типичные регуляции повседневности демонстрируют неприятие нового и даже активное его подавление из-за угрозы отклонения от привычного. В отличие от этого произошедший цифровой поворот ориентирует на постоянное обновление, требует активного перехода к новым «навыкообразующим формам», нуждающимся в психологической перестройке. Тем самым фиксируется несовместимость традиционной модели повседневного существования, настроенной на рутинность, и запросов цифровой реальности, требующей быстрого обновления цифровых компетенций человека как субъекта, построенного технологиями.

Цифровая и «пре-цифровая» повседневность: конфликтная перспектива

Обусловленное масштабным цифровым сдвигом напряженное сосуществование «пре-цифровой» и цифровой повседневности проявляется во многих аспектах. Во-первых, если развитие цифровых технологий ведет к расширению практик повседневности, то погружение в серфинг по Сети чревато возникновением многообразных видов зависимостей. Во-вторых, если паттерны повседневного существования традиционной повседневности требуют непосредственно физического участия человека в событиях собственной жизни, то дигитализация переносит самореализацию его деятельных способностей в Сеть. В-третьих, если традиционная модель повседневно-обыденных регуляций сопряжена с наличием границ, то Интернет, выполняя функции иллюзорного их преодоления, предлагает своеобразную открытость не только информационного пространства, но и приватной жизни людей, тем самым усиливая цифровой контроль в так называемом «обществе слежки». И, наконец, если традиционно «мы-отношения», как правило, осуществлялись «глаза в глаза», то тип цифровой коммуникации ограничивает потребность в реальных физических контактах и взаимодействиях. Это серьезный вызов жизненным практикам, и как показывают исследователи, «внедрение в социальную и культурную жизнь цифровых платформ уже привело к более чем объемному комплексу проблем и конфликтов как в сфере ИТ, так и в построении межличностного взаимодействия в цифровом пространстве» [1. С. 545]. И поскольку цифровая среда присваивает себе статус самостоятельной реальности, она вторгается в приватную жизнь и оказывает экспансивное воздействие на все, что происходит «в офлайновой среде» [18. С. 97].

В силу этого современную ситуацию именуют гибридной, требующей противоречивого сочленения физической и цифровой сред и, как пример, удвоения документооборота в цифровом и бумажном форматах. Примеров напряженного сосуществования доцифровой повседневности и ее цифровых трансформаций множество. Так, значимые с точки зрения обывателя покупки в магазинах, сопровождаемые общением с продавцами, как говорится, «в живую», замещаются заказами онлайн, «не выходя из дома», что предполагает изменение потребительских привычек, или же характерное для доцифровой повседневности чтение бумажных книг, посещение библиотек в противовес доступу к электронным книгам (причем по более низким ценам), ведущее к снижению спроса на печатные издания. Личная переписка посредством писем, практики «живой речи» vs мгновенного взаимообмена краткими сообщениями по электронной почте, дигитальная лексика и многочисленные эмодзи, порождают нормы унифицированного онлайн-взаимодействия.

Все это примитивизирует личность, осуществляя в то же время некое программирование. Можно привести и другой пример, сравнивающий работу в офисе с обязательным физическим присутствием, и удаленную работу, изменяющую организацию труда, представление о рабочем месте,

размывающую границы между личным и рабочим временем. Обнаруживает многие дефекты, касающиеся качества специальных умений и уровня вовлеченности, онлайн образование, позволяющее получать знания удаленно без реальной практики передачи опыта. Вряд ли специальности медиков, химиков, инженеров, представителей художественной сферы и пр. могут быть освоены лишь посредством Интернета. Основанные на цифровых технологиях практики располагают совершенно отличными способами выполнения задач.

Весьма беспокоящий пример являет феномен просьюмеров, когда индивид в статусе создателя собственного пользовательского контента произвольно конструирует те или иные формы опыта, меняет образ себя, оказываясь в ситуации раздвоения собственного «я» на симулятивное и реальное. Показательна и другая зарисовка: «Вот идет человек, в ухе которого микронаушник, на запястье смарт-часы, в кармане смартфон, а в портфеле лэптоп. И он почувствует себя голым и беспомощным, если мы лишим его всех этих предметов [19. С. 50].

Внимание привлекает и встроенный в инет-взаимодействия язык ботов. Работающий согласно программному обеспечению, он направлен не просто на советы и рекомендации повседневного характера. Как отмечают исследователи, боты «искусственно создают трендовую статистику определенным темам и лицам. Они множат вокруг них учетные записи и создают ощущение того, что у этих тем и персонажей много поклонников, что они интересны, популярны и значимы» [20. С. 31]. В то же время язык ботов используется для того, чтобы посредством комментариев отделять взгляды тех, кого следует поддерживать, от тех, кто попал в «черный список». Рядовой пользователь, воспринимая учетные записи как социально релевантные, становится манипулируем. Он «фактически попадает в мир машинного передвижения информации, конечный политический смысл которого может грубо противоречить интересам пользователя» [20. С. 31]. И хотя боты как программные агенты не всегда обеспечивают «высококачественный диалог», их часто воспринимают с налетом антропологических ожиданий, равных ожиданиям от коммуникации с самим субъектом.

Однако человек как существо социальное нуждается в непосредственном реальном общении и взаимодействии с другими людьми, он не может быть удовлетворен его сетевыми замещениями. Как убеждал еще Э. Гуссерль, человеческое Я во всем многообразии его естественных проявлений, связанных с тем, чтобы видеть, слышать, воспринимать, действовать, определяется фактичностью жизненного мира, именно она – сфера жизненного мира удерживает «интерес к жизни» [21. С. 7]. М. Хайдеггер утверждал, что повседневное бытие состоит, прежде всего, в значимости пребывания друг с другом [22]. Ему вторил М. Мерло-Понти, подчеркивая значение жизненного опыта, в котором важным фактором являлось обращение к телу как «вещи, где я живу», и одновременно как «чувствующей вещи», которая является проводником в мир и закрепляет человека в мире [23]. Но именно физическое реальное тело является «запрещенным эффектом» Интернета.

За пределы непосредственно физических взаимодействий приглашают технологии метавселенной, размывающей границы виртуального и реального, освобождая индивидов от привязки к действительности. Открываются перспективы множественной идентичности, где взаимодействия выбранных анимаций, аватаров или цифровых двойников могут иметь мало общего с «породившими» их реальными людьми. В метавселенной фиксируется выход как за пределы естественных ограничений человека, так и за рамки обычной жизни. Прогнозируется, что в предлагаемом метавселенной наборе связанных виртуальных миров люди будут проводить огромную часть своей жизни [24. С. 107–115].

Вместе с тем исследователи бьют тревогу, так как замещение реальных телесно-физических контактов цифровыми грозит «эпидемией цифрового аутизма» [25]. На первый взгляд, забавный пример, когда ребенок, чтобы картинка за окном была четче, пытается пальчиками «раздвинуть» вид из окна, словно оконное стекло – экран гаджета, демонстрирует очевидную «сращенность» с цифровой средой и разрыв с топографическим мышлением.

Анализ трансформаций, порожденных цифровой средой, показывает, что постоянная потребность в поглощении сетевых ресурсов, встроенная в ход и течение повседневности, оттесняет поиск смысложизненных ориентиров в зону безрефлексивности. Используя вывод Н. Лумана, можно сказать, что мир стал ареной коммуникативных процессов, из которых исчезают рефлексия и понимание [26]. На наш взгляд, это обусловлено тем, что функция осмысления и функция, ориентирующая на просмотр контента, существенно различны, а формирование самосознания массового представителя цифровой эры не является социально востребованным запросом. В дигитальном мире квази-рефлексивную миссию берут на себя массмедиа, задавая и навязывая фреймы понимания событий. Можно согласиться с выводом Ф. Гиренка, утверждающим, что в заданных обстоятельствах «человек перестал нуждаться в сознании. Он посчитал его для себя слишком обременительным... Сегодня нам приходится обживать мир умных машин и искать среди них свое место» [27. С. 7].

Серфинг по просторам Всемирной паутины, став устойчивым компонентом ежедневных повседневных практик, подчиняет индивидов «соблазнам» и алгоритмам Сети, свидетельствуя об эффекте сгенерированного эпохой цифрового отчуждения. Подчеркнем, что тип цифрового отчуждения базируется на том глобальном факте, что так называемая социальность Сети позиционирует себя как самодостаточный план бытия, дополняющий и замещающий реальные физические, телесно-материальные связи. При этом определение отчуждения как противостоящей и угнетающей человека силы вполне применимо к ситуации поглощения субъектов цифровыми взаимодействиями. Классическое понимание отчуждения, фиксирующее чуждую, вне их (индивидов) стоящую власть, направляющую их поведение, и обнаруживающую тенденции, развитие которых им неизвестны, пригодно для характеристики цифрового отчуждения. Ощущение беспомощности перед усложняющимися

компьютерными интеракциями компенсируется гипердоверием машинным алгоритмам, и эффект цифрового отчуждения проявляется в передаче своих полномочий и когнитивных функций интеллектуальным системам. Учитывая же, сколь долго обыватель пребывает за экраном монитора и гаджета, логично предположить, что он попадает в ловушку цифрового отчуждения. Исследователи утверждают, что «цифровая экспансия неизбежно в ходе захвата все новых и новых сегментов социальных отношений будет стимулировать в них развитие небалансных состояний» [1. С. 553].

Заключение

Подводя итоги, подчеркнем, что, во-первых, анализ реалий современной повседневной жизни свидетельствует о технологическом «расщеплении» повседневности, необходимости «пересборки» самого концепта и переформатировании его регуляций. Во-вторых, цифровая среда как стремительно изменяющийся корпус взаимосвязанных данных указывает на важность алгоритмов и сводит на нет «самопонятность» пре-цифровой рациональности с целеполаганием, основанном на «самодовлеющей связи стабильности». В-третьих, серфинг по просторам Всемирной паутины, став устойчивым компонентом практик повседневности, сужает зону «непосредственной достоверности опыта» и реальных межличностных контактов, оттесняет способ восприятия действительности в зону безрефлексивности. В-четвертых, о характерном для цифровой повседневности цифровом отчуждении свидетельствует как возросшее чувство беспомощности перед усложняющимися компьютерными интеракциями, так и доверие машинным алгоритмам. В-пятых, распространенный в цифровой повседневности феномен «прокси», рассчитанный на делегирование полномочий интеллектуальным системам (т.е. «действия по доверенности»), демонстрирует вид замещения субъектности, когда контакт с реальным физическим лицом становится необязательным и ненужным. Цифровая трансформация практик повседневности делает ставку на освоение мира посредством динамично развивающихся цифровых взаимодействий.

Список литературы

- [1] Сунами А.Н. Этика «цифрового общества»: новый конфликт или новый баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. № 3. С. 544–556. DOI: 10.21638/spbu17.2023.311 EDN: TSTAGD
- [2] Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34. EDN: TRRQVT
- [3] Kravchenko S.A. From formal rationality to the digital one: Sideeffects, ambivalences, and vulnerabilities // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 7–17. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-7-17 EDN: TYVELZ
- [4] Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1992.

- [5] *Солдатова Г.У., Никонина Е.Ю., Кошечкина А.Г., Трифонова А.В.* Медиамногзадач-ность: от когнитивных функций к цифровой повседневности // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 8–21. DOI: 10.17759/jmfp.2020090401 EDN: ZOHXVT
- [6] *Stancuigelu S., Rusu I., Iacob D.A.* Digi-generation for a non-linear reality. The “old world” and the coming of a “two-dimensional reality” // Marketing Identity. Digital Life: Conference Proceedings from International Scientific Conference. 10th–11th November. Part II. Trnava, 2015. P. 264–272.
- [7] *Roubal O.* Fast-Time Digital Age and Lifestyle Changes // Marketing Identity. Digital Life: Conference Proceedings from International Scientific Conference. 10th–11th November. Part II. Trnava, 2015. P. 206–219.
- [8] *Поликарпова Е.В.* Цифровизация образования: миф многозадачности // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 10. С. 197–203. DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.36 EDN: LKLBSY
- [9] *Пан А.С.-К.* Укрощение цифровой обезьяны. Как избавиться от интернет-зависимости. М. : АСТ, 2014.
- [10] *Small G.W., Moody T.D., Siddarth P., Bookheimer S.Y.* Your brain on Google: Patterns of cerebral activation during Internet searching // American Journal of Geriatric Psychology. 2009. Vol. 17. N 2. P. 116–126. DOI: 10.1097/JGP.0b013e3181953a02
- [11] *Clark A.* Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence. Oxford : Oxford University Press, 2004.
- [12] *Hui Y.* On the Existence of Digital Objects. Minneapolis. London : University of Minnesota Press, 2016. DOI: 10.5749/minnesota/9780816698905.001.0001
- [13] *Лешкевич Т.Г.* Парадокс доверия к искусственному интеллекту и его обоснование // Философия науки и техники. 2023. Т. 28. № 1. С. 34–47. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-34-47 EDN: IGXMAW
- [14] *Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е.* Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1 (161). С. 171–192. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807 EDN: ZMNKKY
- [15] *Гарфинкель Г.* Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. С. 42–70.
- [16] *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2002.
- [17] *Серто М.* Изобретение повседневности. СПб. : Изд-во Европейского университета, 2013.
- [18] *Дроздова А.В.* Концептуализация повседневности в эпоху цифровой культуры // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 2 (21). С. 96–104. EDN: UTXLQK
- [19] *Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н.* Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. 2023. Т. 28. № 1. С. 48–65. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65 EDN: USPLIV
- [20] *Поцелуев С.П., Подшибякина Т.А.* О факторах политической радикализации в сетевой коммуникации посредством “эхокамер” // Научная мысль Кавказа. 2018. №. 2 (94). С. 29–34. DOI: 10.18522/2072-0181-2018-94-2-29-34 EDN: XSMYOL
- [21] *Гуссерль Э.* Избранные работы. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. EDN: RAYVTX
- [22] *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003.
- [23] *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб. : Наука, Ювента, 1999. EDN: QWJLFB
- [24] *Лешкевич Т.Г.* Метавселенная как макросдвиг современной культуры // Вопросы философии. 2024. № 4. С. 107–115. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-4-107-115 EDN: SKSOKK

- [25] Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle Postmodern and Reconfigure Our Culture. New York, London : Continuum, 2006.
- [26] Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. EDN: PWYQPR
- [27] Гуренок Ф.И. Сознание и интеллект: спор о двух онтологиях будущего // РЕАЛЬНЫЙ человек в VIRTUALЬНОМ мире: материалы Всероссийского научного футурологического конгресса. Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. М. : Перо, 2019. С. 6–7. EDN: DQCCEG

References

- [1] Sunami AN. Ethics of “Digital Society”: New Conflict or New Balance. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2023;39(3):544–556. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu17.2023.311 EDN: TSTAGD
- [2] Shyuts A. On the Multiplicity of Realities. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2003;3(2):3–34. (In Russian). EDN: TRRQVT
- [3] Kravchenko SA. From formal rationality to the digital one: Sideeffects, ambivalences, and vulnerabilities. *RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(1):7–17. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-7-17 EDN: TYVELZ
- [4] Petrov MK. *Self-awareness and Scientific Creativity*. Rostov-na-Donu: RGU publ.; 1992. (In Russian).
- [5] Soldatova GU, Nikonova Elu, Koshevaia AG, Trifonova AV. Media multitasking: from cognitive functions to digital. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2020;9(4):8–21. (In Russian). DOI: 10.17759/jmfp.2020090401 EDN: ZOHXVT
- [6] Stancuigelu S, Rusu I, Iacob DA. Digi-generation for a non-linear reality. The “old world” and the coming of a “two-dimensional reality”. In: *Marketing Identity. Digital Life: Conference Proceedings from International Scientific Conference. 10th–11th November. Part II*. Trnava; 2015. P. 264–272.
- [7] Roubal O. Fast-Time Digital Age and Lifestyle Changes. In: *Marketing Identity. Digital Life: Conference Proceedings from International Scientific Conference. 10th–11th November. Part II*. Trnava; 2015. P. 206–219.
- [8] Polikarpova EV. Digitalisation of Education: Myth of Multitasking. *Manuscript*. 2020;13(10):197–203. (In Russian). DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.36 EDN: LKLBSY
- [9] Pan AS-K. Taming the Digital Monkey. How to Overcome Internet Addiction. Moscow: ACT publ.; 2014. (In Russian).
- [10] Small GW, Moody TD, Siddarth P, Bookheimer SY. Your brain on Google: Patterns of cerebral activation during Internet searching. *American Journal of Geriatric Psychology*. 2009;17(2):116–126. DOI: 10.1097/JGP.0b013e3181953a02
- [11] Clark A. *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence*. Oxford: Oxford University Press; 2004.
- [12] Hui Y. *On the Existence of Digital Objects*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press; 2016. DOI: 10.5749/minnesota/9780816698905.001.0001
- [13] Leshkevich TG. The paradox of trust in artificial intelligence and its rationale *Philosophy of Science and Technology*. 2023;28(1):34–47. (In Russian). DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-34-47 EDN: IGXMAW
- [14] Martynenko TC, Dobrinskaia DE. Social Inequality in the Age of Algorithms: From Digital to Algorithmic Divide. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(1):171–192. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807 EDN: ZMNKKY
- [15] Garfinkel’ G. Investigation of habitual bases of everyday actions. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2002;2(1):42–70. (In Russian). EDN: TWMRKJ

- [16] Gofman I. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Everyday Experience*. Moscow: Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole publ.; 2002. (In Russian).
- [17] Serto M. *The Practice of Everyday Life*. Saint Petesburg: EU publ.; 2013. (In Russian).
- [18] Drozdova AV. Conceptualization of Everydayness in the Epoch of Digital Culture. *Bulletin of Liberal Arts University*. 2018;2(21):96–104. (In Russian). EDN: UTXLQK
- [19] Vasilenko LA, Meshcheryakova NN. Digital hybridity: innovative reality or utopia? *Philosophy of Science and Technology*. 2023;28(1):48–65. (In Russian). DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65 EDN: USPLIV
- [20] Potseluev SP, Podshibyakina TA. On the Factor of Political Radicalization in Network Communication through “Eco Cambers. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2018;2(94):29–34. (In Russian). DOI: 10.18522/2072-0181-2018-94-2-29-34 EDN: XSMYOL
- [21] Husserl E. The crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. In: *Selected Works*. Moscow: Territoria budushchego publ.; 2005. P. 443–464. (In Russian). EDN: RAYVTX
- [22] Xeidegger M. *Being and Time*, Khar’kov: Folio publ.; 2003. (In Russian).
- [23] Merlo-Ponti M. *Phenomenology of perception*. Saint Petersburg: Nauka publ.; Yuventa publ.; 1999. (In Russian). EDN: QWJLFB
- [24] Leshkevich TG. Metaverse as a Macroshift of Modern Culture. *Voprosy Filosofii*. 2024;(4):107–115. (In Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2024-4-107-115 EDN: SKSOKK
- [25] Kirby A. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle Postmodern and Reconfigure Our Culture*. New York, London: Continuum; 2006.
- [26] Luman N. *Reality of Mass Media*. Moscow: Praxis publ.; 2005. (In Russian). EDN: PWYQPR
- [27] Girenok FI. Consciousness and intelligence: a dispute about two ontologies of the future. In: *REAL man in the VIRTUAL world: materials of the All-Russian Scientific Futurological Congress. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov*. Moscow: Pero Publishing House; 2019. P. 6–7. (In Russian). EDN: DQCCEG

Сведения об авторе:

Лешкевич Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор, профессор Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42. ORCID: 0000-0002-8623-3854. SPIN-код: 5125-8248. E-mail: Leshkevicht@mail.ru

About the author:

Leshkevich Tatiana G. – DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, 105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8623-3854. SPIN-code: 5125-8248. E-mail: Leshkevicht@mail.ru